

Медсестра остановилась, и её взгляд постепенно наполнился сочувствием.

— На самом деле... — она хотела сказать, что пациенты психиатрического отделения не должны так просто выписываться, но, глядя на этот стройный силуэт, на непрерывно движущиеся пальцы и смычок, она вдруг поняла, что не стоит говорить такие вещи. Возможно, всех сумасшедших не понимают, как и гениев. Эти странные, хаотичные звуки словно били ей в грудь, вызывая странное чувство тяжести в животе. — Возможно, я не могу понять эту красоту. Но... это действительно красота.

Их время полностью замедлилось, словно начался отпуск без срока. Чжун Гуаньбай отошёл от прежнего круга общения, больше не участвовал в светских мероприятиях и записях программ. Лу Цзаоцю тоже больше не был занят уроками, концертами и поездками по миру.

На следующее утро после выписки Лу Цзаоцю Чжун Гуаньбай проснулся от громкого звука падения чего-то тяжелого. Он повернул голову и, даже не успев сфокусировать взгляд, понял, что Лу Цзаоцю нет рядом. Его тело среагировало быстрее сознания: он схватил очки с прикроватной тумбочки и бросился в другую комнату.

В музыкальной комнате нотный пюпитр для скрипки лежал на полу, а ноты были разбросаны повсюду.

Лу Цзаоцю стоял спиной к нему, опустив голову.

Хотя Чжун Гуаньбай знал, что не сможет помешать, он всё равно невольно замедлил шаги, медленно приближаясь. Он увидел, что Лу Цзаоцю держит левой рукой гриф скрипки, а правая рука неуверенно замерла у колков, словно боясь их повернуть. Это чувство неуверенности было похоже на то, как если бы обычный человек вдруг обнаружил, что его руки превратились в нечто, с чем он не умеет обращаться.

Четыре струны были полностью ослаблены, и играть на скрипке в таком состоянии было невозможно.

Чжун Гуаньбай вдруг понял, почему музыка Лу Цзаоцю звучала так странно. Он был настолько привычен к скрипке, что даже не слыша, мог точно знать, где находятся пальцы. Но Лу Цзаоцю не мог настроить инструмент.

После каждой игры струны нужно было ослаблять, а перед следующей — настраивать. Чжун Гуаньбай не знал, как Лу Цзаоцю настраивал скрипку перед выпиской, и почему он вдруг обнаружил проблему с настройкой.

Он подошёл к Лу Цзаоцю, и тот долго смотрел на него.

В его глазах были недоверие и огромное разочарование.

Это разочарование чуть не сломило Чжун Гуаньбая.

— Уйди, — сказал Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай покачал головой.

Лу Цзаоцю не стал повторять. Он холодно отвел взгляд, взял скрипку и вышел из комнаты.

Чжун Гуаньбай последовал за ним, но оказался запертым за дверью пустой комнаты. Стучаться было бесполезно — только он сам мог слышать эти звуки. Это был дом, который снимал Лу Цзаоцю, и Чжун Гуаньбай даже не знал, где лежат ключи.

В комнате не было ни звука, и тишина становилась пугающей.

Чжун Гуаньбай начал паниковать, и в его голове возникали самые страшные предположения. Эта комната находилась на втором этаже, и окно выходило во двор. Чжун Гуаньбай выбежал наружу, чтобы попросить у соседа лестницу.

Пожилой мужчина с кожей, покрасневшей от солнца, вынес из сарая металлическую лестницу и улыбнулся:

— Иногда я использую её для покраски стен.

Чжун Гуаньбай кивнул, взял лестницу и уже собирался уходить.

Мужчина сказал ему вслед:

— Эй, твой друг выглядит не очень.

Чжун Гуаньбай, торопясь с лестницей, только коротко ответил:

— Да.

Мужчина добавил:

— Сегодня утром я видел, как он играл на скрипке во дворе, но звуки были странными. Я даже спросил его: «Твоя скрипка сломалась?»

— Что? — Чжун Гуаньбай резко остановился, обернулся и широко раскрыл глаза, чем напугал старика.

— Он взял бумагу и попросил меня написать то, что я сказал. Только тогда я понял, что он не слышит. Поэтому я написал: «Возможно, ты не знаешь, может быть, твоя скрипка сломалась?».

Он нахмурился и долго смотрел на свою скрипку. Мне стало неловко, ведь он не слышит, и я добавил: «Твоя мелодия, возможно, просто слишком необычна». Но когда он назвал название произведения, я понял, что знаю его. Это была скрипичная версия «Лунного света» Дебюсси. Как я мог не узнать эту мелодию? Ведь Дебюсси — француз.

Поднявшись на последнюю ступеньку лестницы, Чжун Гуаньбай увидел Лу Цзаоцю.

Он сидел, обняв скрипку, в тени стены, куда не доходил солнечный свет. Прошло много времени, прежде чем осколок стекла упал к его ногам, и он наконец отреагировал, подняв голову.

Осколки стекла рассыпались по полу, ослепительно сверкая на солнце. Чжун Гуаньбай пытался забраться через окно, всё ещё усеянное острыми осколками.

Лу Цзаоцю не успел остановить его, как Чжун Гуаньбай уже прыгнул внутрь, порвав штаны, половина которых осталась висеть на стекле. Он разорвал их окончательно, бросился к Лу Цзаоцю и, зная, что тот ничего не слышит, всё равно прошептал ему на ухо:

— Но я действительно считаю это прекрасным...

Лу Цзаоцю одной рукой держал скрипку, а другой — смычок, поэтому он неуклюже провёл тыльной стороной смычка по затылку Чжун Гуаньбая, словно имитируя поглаживание. Он делал это, тихо говоря:

— Я сержусь.

Чжун Гуаньбай вдруг почувствовал, что ему хочется смеяться. Он, конечно, знал, что Лу Цзаоцю сердится, но то, как он это сказал, было... почти мило.

Он сначала поцеловал Лу Цзаоцю, а затем кивнул, изображая [Я знаю].

Лу Цзаоцю посмотрел на него с укором, но его покрасневшие и влажные от поцелуя губы делали этот взгляд скорее соблазнительным.

Чжун Гуаньбай ещё не успел насладиться этой картиной, как почувствовал резкую боль в задней части бедра.

Его ударили смычком.

Удар был несильным, скорее предупреждением.

— Вставай, — сказал Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай, держась за бедро, подскочил. Лу Цзаоцю действительно ударил его?

— Ты не должен так делать, — Лу Цзаоцю стоял перед ним, серьёзно глядя в глаза. — Сначала выйди.

Чжун Гуаньбай не двигался.

— Сначала выйди, — повторил Лу Цзаоцю. — Я сейчас сержусь.

Он увидел, как уголки губ Чжун Гуаньбая начали подниматься в улыбке, и вздохнул:

— Ладно.

Лу Цзаоцю был человеком, который редко испытывал гнев. Если у человека нет слишком многих привязанностей, то ему трудно разозлиться. А тот, кто не привык к гневу, обычно не может найти подходящий способ его выразить. Особенно если перед ним стоит Чжун Гуаньбай.

— Я виноват, — Чжун Гуаньбай изобразил это жестами, виновато опустив голову, готовый к выговору.

— Чжун Гуаньбай, — Лу Цзаоцю произнёс его имя и замолчал надолго. — Я не знаю, как на тебя злиться. Я пытаюсь найти способ выразить свой гнев, чтобы ты понял, насколько это серьёзно. Ты не должен обманывать меня, особенно в этом.

— Чжун Гуаньбай, посмотри на меня, — Лу Цзаоцю поднял смычком подбородок Чжун Гуаньбая, глядя ему в глаза, и произнёс, медленно и всё более низким голосом:

— Музыка... это истина. Я не могу исказить её, и ты тоже. Раньше я доверял только своим ушам, теперь я хочу... доверять тебе.

Чжун Гуаньбай увидел в глазах Лу Цзаоцю своё отражение, и на мгновение в них промелькнула паника.

Для человека вроде Лу Цзаоцю фраза «хочу доверять тебе» означала не просто передачу потерянного слуха. Это было почти как передача своей жизни и всего оставшегося мира.

Грудь Чжун Гуаньбая сильно вздымалась, он смотрел на Лу Цзаоцю, медленно поднял руку и осторожно взял смычок, который тот держал у его подбородка.

В тот момент, когда он взял смычок, он наконец полностью осознал, что именно он принял.

Как Платон считал, что за материальным миром существует мир идей, так и у каждого музыканта в голове есть своя идеальная музыка — это совершенство, принадлежащее только ему. А то, что слышат другие, — лишь отражение этого идеала. Каждое движение клавиш фортепиано, каждая вибрация струн скрипки — это попытка приблизиться к этому идеалу.

Теперь в мире Лу Цзаоцю остался только этот абсолютный идеал.

«Ты можешь доверять мне», — Чжун Гуаньбай мысленно произнёс эти слова, говоря их самому себе. Он положил скрипку Лу Цзаоцю на левое плечо, поднял смычок и молча посмотрел на него.

<http://bllate.org/book/15543/1382889>